

A photograph of a train at night, traveling through a snowy mountain landscape. The train is illuminated by its own lights, and the surrounding environment is dark and atmospheric. The train is moving away from the viewer, and the tracks lead into the distance. The scene is set in a mountainous area with snow-covered peaks and evergreen trees. The overall mood is mysterious and slightly ominous.

Александр Восьмой

**УЖАСЫ
ВАГОН-МЕТРО
(Даффи Толстяк)**

Александр Восьмой УЖАСЫ ВАГОН- МЕТРО (Даффи Толстяк)

<https://litres.ru/74014181>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ночной поезд следует по маршруту, которого нет на картах. Пассажиры садятся в вагоны, не помня, как оказались на платформе, а за окнами мелькают пейзажи из их самых страшных снов. Проводник уверяет, что конечная станция — это место, где каждый встретит свою истинную суть. Но никто не знает, вернётся ли оттуда живым.

Александр Восьмой

УЖАСЫ ВАГОН-

МЕТРО (Даффи Толстяк)

Глава 1. Последний шаг на платформу

Станция пахла сыростью и чем-то ещё — едва уловимым, но тревожным, словно сама тьма здесь имела свой запах. Она не была похожа на привычные городские станции: ни ярких рекламных плакатов, ни спешащих по делам людей, ни даже тусклого света дежурных ламп. Только редкие фонари, буд-то нехотя ронявшие на перрон узкие конусы света, да бесконечные ряды плитки, уходившие в густую, почти осязаемую темноту.

Пассажиры появлялись поодиночке, словно выныривая из тумана. Никто не помнил, как сюда попал. Только мгновение назад была чья-то кухня, или улица под дождём, или просто темнота в спальне — и вот уже под ногами шершавый бетон, а впереди — пустота, в которой звенит тишина.

Первой пришла девушка в лёгкой куртке, слишком тонкой для такой промозглой ночи. Она остановилась, растерянно оглядываясь, будто надеялась увидеть знакомое лицо. Потом появился мужчина в строгом костюме, который машинально поправил галстук, словно этот привычный жест мог вернуть ему ощущение контроля над происходящим. За ним

— пожилая женщина с сумкой, крепко прижатой к груди, и юноша, который всё время оглядывался, будто кто-то шёл за ним по пятам.

Они не спешили подходить друг к другу. Каждый чувствовал: здесь что-то не так. Слишком тихо. Слишком пусто. Слишком... неправильно.

И тогда из темноты пришёл поезд.

Он не грохотал, как положено поезду метро, не скрежетал колёсами по рельсам. Он просто возник — длинный, тёмный, с окнами, в которых тускло мерцал свет, будто внутри горели сотни одиноких свечей. Поезд двигался бесшумно, словно плыл по воздуху, а не по рельсам, и от этого становилось ещё страшнее.

Двери с шипением распахнулись. Звук был странным — не обычным пневматическим выдохом, а чем-то похожим на усталый, протяжный вздох. И в этот момент что-то внутри каждого из пассажиров дрогнуло. Не страх даже — а какая-то странная, необъяснимая тяга. Ноги сами понесли их вперёд, к раскрытым дверям, хотя разум кричал: «Стой! Не надо!»

Девушка попыталась остановиться, вцепившись пальцами в холодный металл колонны, но её будто потянуло вперёд невидимой силой. Мужчина сделал шаг, потом ещё один, и вдруг понял, что не может остановиться — его тело двигалось само по себе, вопреки его воле. Пожилая женщина тихо заплакала, но слёзы тут же высохли на ледяном ветру, а она

всё шла и шла, не в силах сопротивляться этому странному притяжению.

Внутри вагона было не так, как в обычном метро. Сиденья казались слишком глубокими, будто хотели поглотить тех, кто на них сядет. Свет был неярким, желтоватым, и от него тени становились длиннее и гуще, словно пытались дотянуться до пассажиров. Воздух был тяжёлым, неподвижным, и в нём витало ощущение чего-то древнего и опасного.

Вязкая тишина окутывала всё вокруг, давила на уши, заглушая даже стук собственного сердца. И в этой тишине прозвучал голос.

— Не волнуйтесь, — сказал проводник. Он стоял в проходе, спокойный, невозмутимый, в форме, которая казалась одновременно и привычной, и какой-то... неправильной. Будто её сшили не для этого мира. — Мы едем туда, где всё станет ясно.

Его слова должны были успокоить, но вместо этого вызвали новый приступ тревоги. «Ясно» — это ведь не всегда хорошо. Иногда ясность страшнее любого неведения.

Пассажиры расселись по местам, каждый в своём углу, стараясь не смотреть друг на друга, будто боялись увидеть в чужих глазах отражение собственных страхов. Поезд тронулся — так же бесшумно, как и появился, — и станция исчезла во тьме, словно её никогда и не было.

За окнами мелькнули первые неясные очертания — что-то смутно знакомое, от чего по спине пробежал холодок.

Но никто не успел разглядеть, что это было. Вагон набирал скорость, унося их всё дальше от всего, что они знали, всё глубже в ночь, которой, казалось, не будет конца.

А проводник, проходя по проходу, тихо бормотал себе под нос:

— Каждый найдёт то, что ищет. Даже если не хотел этого находить.

Глава 2. Имена, стёртые из памяти

Вагон покачивало в странном ритме — не в такт движению поезда, а будто в такт чьему-то тяжёлому, размеренному дыханию. Свет по-прежнему оставался тусклым, желтовато-мутным, и тени в углах казались гуще, чем положено теням. Пассажиры сидели, стараясь не смотреть друг на друга, но напряжение, висевшее в воздухе, постепенно становилось невыносимым. Тишина, которая поначалу казалась спасением, теперь давила, подталкивая к разговору — хоть к какому-нибудь, лишь бы разрушить эту зловещую неподвижность.

Девушка в лёгкой куртке первой нарушила молчание. Она повернулась к мужчине в строгом костюме, сидевшему через проход, и попыталась выдавить улыбку — вышло жалко, криво, как у человека, который давно разучился улыбаться.

— Вы... вы не знаете, куда мы едем? — её голос прозвучал непривычно тихо, будто боялся разбудить что-то, дремавшее в полумраке вагона.

Мужчина нахмурился, словно пытался выудить из памяти хоть что-то полезное. Он открыл рот, собираясь ответить, но вдруг замер. Его взгляд стал растерянным, почти испуганным. Он медленно перевёл глаза на девушку, будто видел её впервые, и тихо, с нарастающей тревогой произнёс:

— Я... я не знаю.

— Ну, хотя бы как вас зовут? — поспешно спросила девушка, надеясь, что простое имя вернёт им обоим ощущение реальности. — Меня... меня...

Она запнулась. Слово, которое должно было сорваться с языка, исчезло. Оно было где-то совсем близко, на самом краю сознания, дразнило, манило, но стоило потянуться к нему — и оно ускользало, растворяясь в вязкой темноте, окутывавшей вагон.

— Меня... — повторила она, уже не спрашивая, а умоляя память выдать хоть что-нибудь. Но тишина внутри была абсолютной.

Рядом тихо всхлипнула пожилая женщина. Она прижимала к себе сумку, словно это был единственный якорь в этом странном, лишившемся смысла мире. Её губы шевелились, будто она пыталась прошептать что-то — возможно, своё имя, возможно, молитву. Но из горла не вырывалось ни звука.

Юноша, сидевший у окна, вдруг резко поднял руки к лицу, будто хотел стереть с него невидимую пелену.

— Я ничего не помню, — прошептал он, и в его голосе

звучал ужас человека, который только что понял, что потерял не просто ключи или кошелёк, а самого себя. — Совсем ничего. Ни имени, ни... ни дома. Ничего.

Они начали переглядываться, и в этих взглядах не было ни любопытства, ни вежливого интереса попутчиков. Только паника, растущая с каждой секундой, и отчаянная надежда увидеть в чужих глазах хоть искру узнавания.

— Может, у кого-то есть документы? — предложил мужчина, и его голос дрогнул. — Паспорт, права... что угодно.

Пожилая женщина торопливо раскрыла сумку и начала лихорадочно перебирать её содержимое. Но внутри не было ничего, кроме старого платка и маленькой жестяной коробочки, в которой лежали сухие лепестки неизвестного цветка. Никаких документов. Никакого намёка на то, кем она была до того, как ступила на ту безлюдную платформу.

Девушка вывернула карманы куртки. Телефон, кошелёк, проездной — всё исчезло. Остались только холодные пальцы и нарастающий холод внутри.

А потом юноша тихо ахнул.

— Посмотрите, — прошептал он, протягивая вперёд дрожащую руку. — На ладони...

Все уставились на его руку. На бледной коже, прямо в центре ладони, едва заметно проступал тонкий узор. Он напоминал руну или символ — странный, угловатый, будто составленный из ломаных линий. Рисунок был бледным, словно выцветшим, но при этом отчётливо видимым.

Девушка подняла свою ладонь. И там, в самом центре, был такой же символ. Не идентичный, но похожий — словно вариация того же знака. У мужчины на ладони узор был чуть крупнее, с дополнительными завитками. У пожилой женщины — почти стёртый, едва различимый, будто его пытались смыть.

Никто не помнил, когда эти знаки появились. Никто не чувствовал, чтобы их рисовали или выжигали. Они просто были — как клеймо, как метка, как доказательство того, что с ними что-то сделали.

В этот момент по проходу снова прошёл проводник. Он двигался неторопливо, с той же спокойной уверенностью, которая казалась теперь не просто неуместной, а почти издевательской. Его шаги не гремели по металлическому полу — они были мягкими, почти кошачьими.

Он остановился напротив группы пассажиров, слегка склонил голову и улыбнулся. Но в этой улыбке не было тепла. Она была аккуратной, выверенной, как улыбка человека, который знает слишком много и не собирается делиться ни крупицей своих знаний.

— Не стоит так волноваться, — произнёс он тем же ровным, чуть приглушённым голосом, которым говорил раньше. — Имена вернутся. Или, возможно, они больше не понадобятся.

— Что вы имеете в виду? — резко спросил мужчина, и в его голосе прорвалась злость — последняя защита от страха.

— Что это за символы? Кто их нанёс?

Проводник чуть наклонил голову, словно прислушиваясь к чему-то, чего не слышали остальные.

— Это метки маршрута, — спокойно ответил он. — Каждому пассажиру — своя. Они помогают не потеряться.

— Потеряться? — переспросила девушка, и её голос дрожал. — Мы и так не знаем, кто мы. Куда ещё можно потеряться?

— О, потеряться можно не только в пространстве, — мягко произнёс проводник, и его глаза на мгновение блеснули в полумраке — холодно, отстранённо, как у существа, которое видело куда больше человеческих трагедий, чем могло вместить одно сердце. — Иногда самое страшное — потерять себя. А вы, кажется, уже на полпути к этому.

С этими словами он двинулся дальше по проходу, оставляя за собой едва уловимый запах — не металла и пыли, как пах вагон, а чего-то старого, затхлого, будто из давно закрытых комнат.

Пассажиры снова переглянулись. Теперь в их взглядах не осталось даже надежды. Только холодный, липкий ужас от осознания: они не просто потеряли свои имена. Они стали частью чего-то, что имело на них свои планы. И проводник знал об этих планах куда больше, чем был готов рассказать.

Поезд мчался сквозь тьму, и за окнами мелькали смутные очертания — не станции, не тоннели, а обрывки воспоминаний, кошмаров, чужих жизней. Вагон продолжал своё путе-

шествие, увозя пассажиров всё дальше от всего, что они когда-либо знали. А символы на их ладонях едва заметно потемнели, будто пробуждаясь к жизни.

Глава 3. Пейзаж за стеклом

Сначала это были просто тени — смутные, расплывчатые, будто нарисованные углём по мокрому стеклу. Они скользили за окнами, не задерживаясь ни на миг, и пассажиры, ещё не до конца поверившие в реальность происходящего, пытались убедить себя, что это всего лишь игра света, обман зрения, вызванный тусклым, болезненным освещением вагона.

Но потом тени начали обретать форму.

Девушка в лёгкой куртке первой заметила нечто, заставившее её сердце сжаться в ледяной комок. За стеклом, среди мелькающей темноты, проступил силуэт дома — старого, покосившегося, с выбитыми окнами, из которых, казалось, кто-то пристально наблюдал за вагоном. Она знала этот дом. Знала каждую щербину на облупившейся краске, каждую скрипучую ступеньку крыльца. Это был дом из её детских кошмаров — тот самый, куда она боялась заходить даже днём, когда бабушка строго велела: «Не стой у калитки, там нехорошее место». И вот теперь он был здесь, реальный, осязаемый, и от него веяло таким холодом, что девушка невольно прижала ладонь к стеклу, словно хотела убедиться, что между ней и этим домом всё ещё есть хоть какая-то преграда.

Рядом с ней мужчина в строгом костюме вдруг резко втянул воздух, будто его ударили под дых. Он смотрел не на дом, а чуть дальше, туда, где из темноты выступал узкий, зловеще изогнутый переулок. Асфальт там был покрыт странными тёмными пятнами, которые в полумраке казались застывшей кровью. Мужчина никогда не рассказывал об этом никому, даже себе старался не напоминать, но теперь воспоминания накатили волной: тот вечер, когда он свернул не туда, пытаясь срезать путь, и услышал за спиной шаги, которые не могли принадлежать человеку. Он тогда убежал, задыхаясь от ужаса, и с тех пор избегал даже похожих улиц. А теперь этот переулок тянулся вдоль вагона, будто приглашая его выйти и закончить то, что когда-то едва не сломало его.

Пожилая женщина тихо застонала, закрывая лицо дрожащими руками. За окном проплывало лицо — лицо человека, чьё имя она годами старалась вычеркнуть из памяти. Оно было таким же, как в тех снах, что мучили её по ночам: чуть искажённое, с пугающе пустыми глазами, в которых не было ни злости, ни жалости — только бесконечное, холодное равнодушие. Она когда-то любила этого человека, верила ему, отдала ему самое дорогое — и он растоптал всё это, не моргнув глазом. С тех пор она научилась не думать о нём, не проносить его имени, даже не допускать его образ в свои мысли. Но теперь он был здесь, за стеклом, и смотрел прямо на неё, словно знал, что она так и не смогла его забыть.

Юноша, сидевший у окна, вдруг почувствовал, как по

спине пробегает ледяная дрожь. За стеклом мелькнул не дом, не переулок, не лицо — а просто дверь. Обычная деревянная дверь, ничем не примечательная, если не считать того, что она вела в комнату, которую он запер и выбросил ключ много лет назад. В ту комнату, где случилось нечто настолько страшное, что он до сих пор просыпался в холодном поту, едва вспомнив о ней. И вот теперь эта дверь медленно приоткрывалась, будто приглашая его войти и встретиться лицом к лицу с тем, что он так отчаянно пытался забыть.

Поезд мчался вперёд, но пейзажи за окнами не сменялись привычными тоннелями и станциями. Вместо этого они кружились, как кадры из кошмарного фильма, вытаскивая на свет самые потаённые страхи пассажиров. Дом из детства сменялся тёмным переулком, переулок — лицом, которое хотелось забыть, лицо — дверью, за которой пряталось нечто ужасное. И каждый раз, когда один пейзаж исчезал, на его месте тут же возникал новый — ещё более пугающий, ещё более личный.

Вагон будто знал их лучше, чем они сами. Он вытаскивал наружу то, что они прятали даже от себя, делал эти страхи реальными, осязаемыми, неотвратимыми. И самое страшное было в том, что никто из пассажиров не мог понять: это их воспоминания оживают, или поезд создаёт эти образы, питаясь их ужасом?

Девушка попыталась отвернуться, закрыть глаза, спрятаться от этих видений, но они словно проникали внутрь,

отпечатываясь на сетчатке, врезаясь в сознание. Она почувствовала, как что-то холодное и липкое ползёт по её коже, будто сам воздух в вагоне пропитался её страхом.

— Не смотрите, — прошептал юноша, его голос дрожал, но в нём звучала отчаянная попытка сохранить хоть крупицу рассудка. — Не смотрите в окна. Они... они становятся настоящими.

Мужчина стиснул кулаки так, что побелели костяшки. Он хотел возразить, сказать, что это невозможно, что это просто галлюцинации, но слова застряли в горле. Потому что перелом за окном вдруг замер, перестал мелькать, а тёмные пятна на асфальте начали медленно расползаться, будто оживая.

Пожилая женщина всхлипнула, но не открыла лица. Она знала: если она снова увидит это лицо, она сломается. Оно уже сделало своё дело — разрушило её веру в людей, в доброту, в справедливость. И теперь, когда оно снова было здесь, она чувствовала, как старые раны раскрываются, как боль, которую она так старательно залечивала, возвращается с новой силой.

В этот момент по проходу снова прошёл проводник. Его шаги были такими же мягкими, такими же бесшумными, как и раньше, но теперь в них слышался какой-то зловещий ритм, будто он отсчитывал секунды до чего-то неизбежного. Он остановился рядом с группой пассажиров, посмотрел на них своим спокойным, чуть отстранённым взглядом и тихо произнёс:

— Удивительное свойство памяти, не правда ли? Мы думаем, что забыли, что спрятали, что похоронили. А на самом деле всё это ждёт своего часа. Поезд просто помогает ему прийти.

— Зачем? — выдохнула девушка, её голос дрожал, но в нём прорывалась ярость — последняя защита от всепоглощающего ужаса. — Зачем вы это делаете?

Проводник слегка наклонил голову, будто прислушиваясь к чему-то, чего не слышали остальные.

— Чтобы вы вспомнили, кто вы есть на самом деле, — спокойно ответил он. — Страх — это зеркало. Он показывает нам нашу истинную суть. А конечная станция — это место, где вы встретите это зеркало лицом к лицу.

С этими словами он двинулся дальше, оставляя за собой едва уловимый запах — не металла и пыли, как пах вагон, а чего-то старого, затхлого, будто из давно запертых комнат, где годами копилась чужая боль.

Пассажиры снова переглянулись, но теперь в их взглядах не было даже надежды. Только холодный, липкий ужас от осознания: поезд не просто показывал им их страхи. Он готовил их к чему-то большему — к встрече с самими собой, такими, какими они были на самом деле. И никто не знал, хватит ли у них сил выдержать эту встречу.

За окнами продолжали мелькать пейзажи из самых страшных снов, каждый из которых кричал о чём-то давно забытом, но так и не прощённом. Вагон мчался сквозь тьму, увозя

пассажиров всё дальше от всего, что они знали, всё глубже в лабиринт их собственных страхов. И с каждым мгновением становилось всё труднее отличить реальность от кошмара.

Глава 4. Пустой вагон напротив

Ритм движения поезда изменился. Вагон больше не показывался плавно — теперь его слегка подбрасывало на стыках, и каждый такой толчок отдавался где-то под рёбрами, словно поезд не ехал по рельсам, а продирался сквозь самую ткань реальности. Свет в салоне стал ещё тусклее, будто кто-то медленно выкручивал лампочку, оставляя пассажиров наедине с полумраком. Тени, и без того длинные, теперь тянулись по полу, сплетаясь в причудливые узоры, которые то и дело напоминали чьи-то вытянутые, искажённые пальцы.

Юноша первым заметил нечто странное. Он сидел у окна, по привычке прижавшись лбом к холодному стеклу, будто надеялся остудить гудящую от напряжения голову. Сначала он подумал, что это просто отражение — его собственное, чуть искажённое из-за неровностей стекла. Но потом отражение моргнуло.

Он вздрогнул и отпрянул, вглядываясь в темноту за окном. И только тогда понял: это было не отражение. Напротив, в соседнем вагоне, кто-то сидел.

Сначала он увидел себя.

Точнее, фигуру, пугающе похожую на него: та же поза, тот

же наклон головы, даже куртка была такой же, только чуть темнее, будто выцветшая от времени. Но самое жуткое было в глазах. У юноши в груди всё сжималось от страха, от растерянности, от отчаянного желания понять, что происходит. А у того, в соседнем вагоне, взгляд был пустым. В нём не было ни эмоций, ни жизни — только холодная, бездонная пустота, от которой по коже бежали ледяные мурашки.

— Эй, — тихо позвал юноша, будто боялся спугнуть или, наоборот, привлечь внимание этого существа. — Ты... ты меня видишь?

Фигура не шелохнулась. Она просто смотрела — неподвижно, неотрывно, как чучело, у которого случайно ожили глаза.

Потом юноша заметил остальных.

Напротив девушки в лёгкой куртке сидела её точная копия — та же причёска, та же складка на плече, будто куртка немного перекосилась. Только у двойника губы были чуть искривлены в странной, неестественной улыбке, которая не имела ничего общего с радостью. Это была улыбка человека, который знает что-то ужасное и находит в этом извращённое удовольствие.

Мужчина в строгом костюме увидел напротив себя... себя же. Только этот «он» сидел, слегка наклонившись вперёд, с руками, сложенными на коленях, и смотрел прямо на него. В его взгляде не было узнавания, не было сочувствия — только холодное, расчётливое ожидание, будто он знал, что настоя-

ший мужчина вот-вот сломаётся.

Пожилая женщина не сразу поняла, что происходит. Она всё ещё прятала лицо в ладонях, пытаясь отгородиться от кошмаров, мелькавших за окнами. Но когда она наконец подняла глаза, то увидела напротив себя свою копию — такую же сгорбленную, такую же усталую, но с глазами, в которых не было ни капли сострадания к себе. Эти глаза смотрели на неё с каким-то злобным удовлетворением, словно двойник радовался её страданиям.

— Что это? — прошептала девушка, её голос дрожал, но в нём прорывалась паника. — Кто они такие?

— Это... мы, — выдохнул юноша, и слова дались ему с трудом, будто язык не хотел произносить эту правду. — Но... не настоящие. В них нет души.

Мужчина резко поднялся, стул под ним скрипнул, и этот звук прозвучал в тишине вагона как крик.

— Нужно проверить, — сказал он, и в его голосе слышалась не столько решимость, сколько отчаянная попытка вернуть себе хоть каплю контроля. — Если это какой-то трюк, мы должны узнать, как он работает.

Он двинулся к двери, которая вела в соседний вагон. Девушка и юноша поспешили за ним, а пожилая женщина, хоть и осталась сидеть, не сводила глаз с двойника, будто боялась, что если она отвернётся, он сделает что-то непоправимое.

Дверь была обычной — металлической, с матовым стеклом, с привычной ручкой. Мужчина схватился за неё, сжал

пальцы так крепко, что побелели костяшки, и потянул на себя.

Но дверь не поддавалась.

Он потянул сильнее, почти рывком, но механизм не щёлкнул, не скрипнул — он просто... отсутствовал. Как будто внутри ничего не было, как будто дверь была лишь фасадом, декорацией, нарисованной на стене.

— Не может быть, — пробормотал мужчина, и в его глазах мелькнуло отчаяние. — Она же была здесь. Я видел, как проводник проходил.

Юноша подошёл ближе и провёл ладонью по поверхности двери. Металл был холодным, настоящим, но под пальцами не чувствовалось ни защёлки, ни механизма, ни даже намёка на то, что эта дверь когда-либо открывалась.

— Попробуй другую сторону, — предложила девушка, её голос звучал чуть твёрже, будто она цеплялась за любую возможность доказать, что всё это — просто кошмар, из которого можно проснуться.

Они обошли вагон, двигаясь по узкому проходу, и подошли к другой двери — той, что вела в тот же соседний вагон, но с противоположной стороны. Мужчина снова потянул за ручку. И снова — ничего. Дверь была намертво закрыта, а может, её вообще никогда не существовало.

А когда они обернулись, чтобы вернуться, то замерли.

Проход, по которому они только что шли, исчез.

Там, где ещё секунду назад были сиденья, проход и ещё

одна дверь, теперь была сплошная стена — гладкая, серая, без единого шва или стыка, будто её отлили из одного куска металла. Даже запах изменился: вместо привычного запаха пыли и старого пластика воздух стал тяжёлым, затхлым, словно из давно запертого помещения.

— Этого не может быть, — прошептал мужчина, и на этот раз в его голосе не было гнева, только холодный, липкий ужас. — Мы же только что здесь прошли.

— Поезд меняется, — тихо произнёс юноша, глядя не на стену, а снова в окно, туда, где двойники по-прежнему сидели неподвижно, наблюдая за ними. — Он подстраивается под нас. Или... против нас.

Девушка прижалась к стене, будто надеялась, что та даст ей опору, но металл был холодным и безразличным.

— Они смотрят, — прошептала она, и её голос дрожал. — Они всё время смотрят. И они... знают что-то, чего не знаем мы.

В этот момент по проходу снова прошёл проводник. Он двигался так же неторопливо, так же спокойно, будто не замечал ни стены, ни паники на лицах пассажиров. Остановившись рядом с ними, он слегка склонил голову и посмотрел на них своим привычным, чуть отстранённым взглядом.

— Любопытное явление, не правда ли? — произнёс он, и его голос звучал почти буднично, как будто они обсуждали расписание поездов, а не кошмар, в котором оказались. — Двойники. Отражения. Тени того, кем вы могли бы стать...

или того, кем боитесь стать.

— Уберите их, — резко сказал мужчина, и в его голосе прорвалась ярость, смешанная с отчаянием. — Сделайте так, чтобы их не было.

Проводник чуть приподнял бровь, словно вопрос показался ему забавным.

— Зачем? — спокойно спросил он. — Они не причиняют вам вреда. Они просто... наблюдают. И, возможно, учат вас чему-то важному.

— Чему? — выкрикнула девушка, и её голос сорвался на крик. — Смотреть на самих себя и понимать, что в нас есть что-то настолько ужасное, что даже мы боимся этого?

Проводник не ответил сразу. Он снова посмотрел в окно, туда, где двойники сидели неподвижно, и на мгновение его лицо стало чуть менее спокойным, чуть более... задумчивым.

— Иногда самое страшное — не то, что мы делаем, — тихо произнёс он. — А то, на что мы способны. Ваши двойники — это не ваши копии. Это ваши возможности. То, что живёт в вас, ждёт своего часа. И поезд просто даёт этому шанс проявиться.

С этими словами он двинулся дальше по проходу, оставив пассажиров одних — перед глухой стеной, перед окнами, за которыми сидели их бездушные двойники, и перед правдой, которую они так отчаянно пытались не замечать.

Поезд мчался сквозь тьму, и вагоны слегка подрагивали,

будто смеялись над тщетностью попыток людей сохранить рассудок. Двойники по-прежнему смотрели — неподвижно, неотрывно, с той пугающей уверенностью существ, которые знают, чем всё закончится. А пассажиры, прижавшись друг к другу, пытались не смотреть в окна, но понимали: избежать этого взгляда невозможно. Он был внутри них. Он всегда был внутри.

Глава 5. Правила, которых нельзя нарушать

В вагоне повисла тишина — не та, что бывает в транспорте, когда все просто молчат, а густая, плотная, будто сама атмосфера стала тяжелее. Свет, и без того тусклый, словно померк ещё на полтона, будто поезд сам готовился к чему-то важному. Пассажиры сбились в небольшую группу у центрального прохода, инстинктивно прижимаясь друг к другу, как люди, которым внезапно стало холодно не от ветра, а от чего-то куда более глубокого и пугающего.

Проводник появился бесшумно — как всегда. Он не шёл по проходу, а будто возникал из полумрака, шаг за шагом проявляясь из темноты. На нём была та же форма, что и раньше, но теперь на груди тускло поблёскивал значок — странный, угловатый символ, похожий на те, что проступали на ладонях пассажиров. Он остановился напротив них, слегка склонил голову, будто прислушиваясь к тишине, и затем заговорил — не громко, но так, что каждое слово отдавалось внутри, как удар по натянутой струне.

— Пришло время напомнить вам о правилах поездки, — произнёс он спокойно, почти буднично, словно речь шла не о жизни и смерти, а о том, как правильно сдавать багаж. — Их немного. Но нарушать их нельзя. Ни при каких обстоятельствах.

Пассажиры переглянулись. В их взглядах не было ни облегчения, ни радости от того, что, возможно, сейчас всё прояснится. Только нарастающее напряжение, словно перед грозой, когда воздух уже заряжен электричеством, а гром ещё не грянул.

— Правило первое, — продолжил проводник, и его голос звучал ровно, без эмоций, как голос автомата, зачитывающего инструкции. — Не смотрите слишком долго в окна. То, что вы видите, не просто воспоминания. Это... двери. И если вы будете смотреть слишком пристально, одна из них откроется. Для вас.

Девушка в лёгкой куртке невольно отшатнулась от окна, будто оно вдруг стало живым и могло её схватить. Она вспомнила те пейзажи — дом из кошмаров, переулок, лицо, которое хотелось забыть. Теперь она поняла: это были не просто видения. Это были приглашения. И она едва не приняла одно из них.

— Правило второе, — продолжал проводник, и в его голосе появилась едва уловимая, но от этого ещё более пугающая твёрдость. — Не пытайтесь выйти на остановках. Ни на одной. Даже если вам покажется, что это выход. Даже если

вы увидите знакомые улицы, свой дом, лицо близкого человека. Это ловушка. Поезд останавливается только там, где нет пути назад.

Мужчина в строгом костюме сжал кулаки. Он вспомнил станцию «Без возврата», где несколько пассажиров решились выйти — и исчезли в темноте, словно их никогда и не было. Тогда он пытался убедить себя, что это просто игра света, обман зрения. Теперь он понимал: это было предупреждение. И они его проигнорировали.

— И третье правило, — проводник сделал паузу, будто давая им время осознать важность того, что он сейчас скажет. — Не задавайте вопросов о конечной станции. Ни мне, ни друг другу, ни самим себе. Конечная станция — это не место на карте. Это... встреча. С тем, что живёт внутри вас. И пока вы не будете готовы к этой встрече, любые вопросы будут... опасны.

Пожилая женщина тихо всхлипнула, но тут же прикусила губу, словно боялась, что даже этот звук может быть нарушением какого-то негласного правила. Она хотела спросить — о многом хотела спросить: кто они, куда едут, есть ли шанс выбраться. Но теперь она боялась даже думать об этом.

— А если... если кто-то нарушит? — тихо спросил юноша, и его голос дрожал, но в нём прорывалась отчаянная попытка понять, с чем они столкнулись. — Что будет, если кто-то посмотрит в окно слишком долго? Или выйдет на остановке?

Проводник посмотрел на него — не сердито, не сочувственно, а просто... констатирующе, как человек, который знает ответ и не видит смысла его скрывать.

— Тот, кто нарушит хотя бы одно правило, исчезнет, — спокойно произнёс он. — Растворится в воздухе, оставив после себя лишь лёгкий запах озона и пустоту на сиденье. Как будто его никогда и не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.